

Н. М. Кувшинова
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

АССИМИЛЯЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКЕ-РЕЦИПИЕНТЕ

В русском языке XVII–XVIII вв. значительную часть иноязычных слов составляли немецкие лексические заимствования. При классифицировании заимствованной лексики должны учитываться как формальные (ассимиляция слов в заимствующем языке), так и функциональные (употребление слов в заимствующем языке) признаки. Проведенное исследование базируется на фактических данных, полученных разными лингвистами, и результатах собственных наблюдений автора.

Ключевые слова: лексические заимствования, морфемный состав, язык-источник, язык-реципиент.

В современной лингвистике заимствованные слова считаются одним из важнейших источников пополнения лексического состава любого языка. В связи с этим в языкознании разрабатываются и используются различные классификации иноязычной лексики, в частности по источникам заимствования (этимологии заимствованного слова). Так, некоторые немецкие лингвисты (Р. Гиндерлинг и др.) пришли к выводу, что лексикон немецкого языка включает слова из четырнадцати языков. В русском языке зафиксированы заимствования из довольно значительного количества иностранных языков (Л. П. Крысин, М. И. Фомин, Н. М. Шанский и др. [4; 5]).

Анализируя феномен заимствования как проблему лексикографии, Г. А. Хабургаев подчеркивал, что установление иноязычной этимологии слова не включает его “автоматически в разряд заимствований данного языка”, поэтому требуется поиск корректных лексикографических обозначений для лексических заимствований, вошедших в русский язык в разные периоды его истории и ничем не выделяющихся “из общего круга слов соответствующих лексико-семантических групп” [12, с. 3]. Методология этимологических исследований заимствованной лексики позволяет решить многие вопросы, в том числе установления лексического заимствования и систематизации иноязычной лексики.

Г. А. Хабургаев выделяет “собственно заимствования” и явления, кажущиеся заимствованными – “квазизаимствования” [12]. Согласно такой классификации, утверждает Г. А. Хабургаев, если от собственно заимствований отделить варваризмы (как единицы текста, а не языка), а также экзотизмы, используемые при описании реалий, принадлежащих носителям других языков (в силу чего они в лучшем случае могут быть охарактеризованы лишь как “пассивные заимствования”), то окажется, что

остальная масса слов, обычно относимых этимологическими словарями к заимствованной лексике, как правило, представляет собой словарные единицы, которые в морфологическом отношении и по своей словообразовательной активности, по лексической сочетаемости и синонимическим связям в функционирующей языковой системе, а тем более – в языковом сознании носителей современного русского языка ничем не выделяются из общего круга слов соответствующих лексико-семантических групп. Исходя из данной типологии заимствованных слов современное состояние языка предполагает только функционирование варваризмов как “единиц текста” и экзотизмов (этнографизмов по терминологии Г. А. Хабургаева) как единственных представителей заимствованной лексики, так как остальные словарные единицы ничем не выделяются и не отличаются от общего круга слов.

Л. М. Баш продолжает идеи Г. А. Хабургаева о делении иноязычной лексики на “собственно заимствования” и “квазизаимствования”, но рассматривает их иначе [3, с. 27–28].

Подгруппа “варваризмы” – это как бы самый чистый образец заимствования, при котором степень адаптации равна нулю. Точнее говоря, это даже еще не заимствования, а чужеродные вкрапления в устную и письменную речь, характеризующие, как правило, язык образованной части общества (существует достаточно полный свод варваризмов в “Словаре иноязычных выражений и слов”, составленных А. М. Бабкиным и В. В. Шендецовым [2]). Примерами варваризмов могут служить философский термин *alter ego*, общеупотребительные *addieu*, *tête-à-tête* и т. д.

Подгруппа “транслитерация” – это следующая ступень заимствования, первая степень адаптации, освоения слова по сравнению с варваризмами, однако связь с языком-источником и здесь еще очень сильна. Под транслитерацией как лексическим явлением понимается перевод слова из одной графической системы в другую, передачу чужой графики средствами своей графики; строго говоря, побуквенный перевод. В качестве примеров транслитерации можно назвать такие лексические формы, как *каприччио*, где написание “и” после “ч” имеет место только потому, что буква “и” была в итальянском прототипе данного слова, причем в итальянском языке “и” несет нагрузку чисто графического указателя (оно никак не звучит в итальянском) на соответствующее произношение предыдущего с [ч], поэтому заимствованное, освоенное слово будет выступать в форме *каприччо*. Ср. также *Джиованни* – *Джованни*, *гидальго* – *идальго*, *Ивангое* – *Айвенго* и т. д.

Подгруппа “собственно заимствования”, или заимствования в узком смысле этого слова, – это не целый комплекс лексических явлений, а вполне определенный набор лексики, которую действительно можно считать заимствованной русским языком из других языков. Иначе говоря, под таким

видом заимствования понимаются слова, пришедшие в русский язык из других языков (т. е. не исконные), передающиеся средствами своей (родной) графической системы (т. е. не варваризмы), не претерпевшие на почве языка-реципиента никаких существенных переоформлений, трансформаций.

Подгруппа “интернационализмы” – это промежуточное положение между заимствованиями и квазизаимствованиями. Это слова, представленные в различных, причем неблизкородственных, языках – многие из таких слов восходят к древним языкам. Они имеют разновидности: “слова-космополиты” и “международные слова”. В основе слов-космополитов лежат греческие или латинские либо и те, и другие корни, поскольку классические языки до сих пор сохраняют роль и значение международных (во всяком случае всеевропейских) кладовых, откуда черпается материал для создания лексики подобного рода. Примерами таких интернационализмов могут служить слова типа *цивилизация*, *культура*, *философия* и т. д. Международные слова заимствованы большинством языков мира. Среди таких интернационализмов можно назвать, к примеру, рус. *спорт*, франц. *sport*, нем. *Sport* < англ. *sport*; англ. *sputnik*, нем. *Sputnik* < рус. *спутник* и т. д.

Группа квазизаимствований, по мнению Л. М. Баш, включает три подгруппы: 1) собственно переоформления – заимствованные слова, претерпевшие “обработку” в языке-реципиенте (“заимствования в узком смысле слова”); всякое морфемное переосмысление заимствованного слова, которое приводит к его формальной деформации в сравнении с языком-источником: *институт* (лат. *institutum*), *лекция* (лат. *lectio*), *партия* (франц. *partie*), *летальный* (лат. *letalis*) и т. д.; 2) слова-миксты – это тоже переоформления, но в отличие от предыдущей группы заведомо нельзя сказать, являются ли данные слова собственно переоформлением заимствованного слова или они образованы на русской почве от заимствованного слова по определенным, действующим в языке моделям (трудно определить, является ли прилагательное *мажорный* собственно русским образованием (с помощью суффикса *-н-*) от заимствованного французского существительного *мажор*, активно употребляющегося в русском языке, или это переоформление на русской почве (адаптация) французского прилагательного *тажеур*); ср.: *минорный*, *династический*, *арбитражный*, *бравировать*, *аргументировать*, *жестикулировать* и др.); 3) слова-гибриды – собственно русские слова, созданные на базе заимствованных слов, но уже на русской почве [3]. Н. М. Шанский писал: “Под исконно русским словом понимается всякое слово, возникшее в русском языке <...>, независимо от того, из каких этимологических частей (исконно русских или заимствованных) оно состоит” [14, с. 71]. Таким образом, *шоссейный* (образовано на русской почве при помощи суффикса *-н-* от заимствованного *шоссе*), *форсить* (от заимствованного *форс*) и т. д.

Признавая за названным видом лексики все права на то, чтобы считаться собственно русской, все же следует рассматривать ее как разновидность квазизаимствований, поскольку иностранный корень, лежащий в основе этих, хотя и русских, слов, не позволяет полностью отождествлять их с исконно русскими дериватами, образованными на русской же почве, но от русских корней. Значит, слово *шоссейный* все же следует терминологически (как лексическое явление) отличать, например, от слова *дорожный*, *форсить* – от *вообразать* и т. п.

Таким образом, подгруппу заимствованных слов (собственно заимствования) можно отнести к иноязычной лексике в традиционной терминологии, а квазизаимствованная лексика соответствует ассимилированной лексике, “иноязычность” которой выявляется посредством этимологического анализа [3, с. 27–31].

А. А. Брагина по степени адаптации иноязычной лексики и активности использования носителями языка выделяет три группы заимствований: 1) устойчивые лексические заимствования, подчиняющиеся системе языка, несущие номинативную, понятийно-дифференцирующую функцию; 2) заимствования, уже подчинившиеся системе языка, но стилистически еще ограниченные (преимущественно письменным языком); их функция колеблется между функцией номинативной и функцией “ярлыка” – характеристики; 3) заимствования временные, непрочные, еще недостаточно ассимилированные языком (их сопровождает толкование-описание) [5, с. 159]. Первая группа входит в активный словарь, вторая группа – на грани между активным и пассивным словарным запасом, а третья группа относится к пассивному словарю или словарю определенной эпохи.

Ученые часто используют в отношении заимствования термин “иноязычное вкрапление”, однако его определение не имеет четкости. Одновременно употребляются термины “варваризм”, “экзотизм” или “нетранслитерированное”, или “беспереvodное” слово / выражение. Вопрос разграничения и упорядочивания данных терминов многократно обсуждался в современной лингвистике, в частности в работах А. М. Бабкина и В. В. Шандецова [2], Ю. Т. Листровой [10], В. П. Беркова [4].

Основными характерными особенностями иноязычных вкраплений является соответствие словесного оформления (в нерусской, редко в русской, графике) миру материальных предметов носителей языка-реципиента, т.е. в принимающем языке есть слова синонимичные, дублирующие “инострannое” выражение, это не только предметы материальные, но, в основном, общечеловеческие понятия и выражения, универсальные для всех языков. Термин “иноязычное вкрапление” был введен Л. А. Леонтьевым [9]. Эта единица охватывала все случаи проявления заимствованного слова в русском языке. По мнению исследователя, это 16 комбинаций на

лексическом, морфемном, фонемном уровнях и уровне звукотипов, в современной классификации – кальки. Л. А. Леонтьев под иноязычным вкраплением понимает и прямую вставку иностранного слова в графике языка-источника, и русское слово в иноязычной графике или в иноязычном звуковом оформлении, и кусок иностранного текста. Наполняемость термина “иноязычное вкрапление” в его авторском понимании не получила широкого распространения. Иноязычные вкрапления в соответствии с данной классификацией пассивны к системе, например, русского языка и поэтому не являются неологизмами. В системе заимствующего языка в дальнейшем заимствованное слово может приобрести функцию характеристики-оценки (сравнения). Тогда заимствованный неологизм становится мотивированным знаком: он раскрывает свою внутреннюю форму или получает определенное осмысление, иногда не совпадающее с языком-источником [9, с. 160].

Основное различие между экзотизмами и иноязычными вкраплениями В. П. Берков усматривает в функциональности: первые обозначают явление, чуждое данному языковому коллективу, тогда как вторые, наоборот, – свойственное ему, хотя материально и этимологически оба лексических пласта – явления одного порядка. Отличие иноязычных вкраплений от иностранных слов состоит прежде всего в том, что последние практически ассимилированы языком. Граница между иноязычными словами с номинативным значением и иностранными словами не всегда четкая, и возможны переходные случаи, поскольку такие вкрапления, ассимилируясь, часто переходят в разряд иностранных слов [4, с. 34].

А. М. Бабкин утверждает, что иностранные выражения, независимо от того, ощущаются ли они носителями языка, в котором употребляются, именно как иноязычные, и независимо от оправданности и желательности их употребления, являются фактами использующего их языка [2, с. 3]. По мнению Д. Шютте, слова, морфологически не вошедшие в систему русского языка, целесообразнее называть “цитатными словами” [17, с. 145].

Ю. Т. Листрова полагает, что “иноязычные вкрапления” употребляются билингвами при коммуникации в определенных стилистических целях и со свойственной при этом нерегулярностью. От собственно “иноязычных вкраплений” Ю. Т. Листрова предлагает отграничить окказиональные слова иностранного происхождения и фразеологизмы, вышедшие за пределы билингвов и ставшие “приметами” речи монолингвов, употребляемые в средствах печати. Все слова и выражения иностранного происхождения, несмотря на графическую сторону их воспроизведения, не являются “иноязычными вкраплениями”, а функционируют на правах обычных заимствований в русском языке. Экзотизмы также не являются иноязычными вкраплениями, так как они являются “фактом принявшего их языка” [10, с. 58–59].

При классифицировании заимствованной лексики должны учитываться как формальные признаки (ассимиляция слов в заимствующем языке), так и функциональные (употребление слов в заимствующем языке) [4; 5]. Ю. С. Сорокин выделяет свои показатели – это требование “устойчивости, единообразия и нормализации формы” [11, с. 62–63]. Необходимо отметить, по мнению Л. П. Крысина и В. М. Аристовой, классификация пластов заимствованной лексики по степени ее ассимиляции недостаточно правомерна, так как она будет анахронична по отношению к постоянно развивающейся лексической системе языка [5; 6, с. 8].

По степени адаптации лексических единиц в системе русского языка-реципиента возможно как полное, так и частичное ассимилирование немецкоязычной лексики. Частично ассимилированная лексика может быть разделена на следующие группы: 1) немецкоязычная лексика, ассимилированная на графическом и грамматическом уровнях; 2) немецкоязычная лексика, ассимилированная на грамматическом уровне; 3) немецкоязычная лексика, ассимилированная на словообразовательном уровне; 4) немецкоязычные вкрапления с предшествующим и последующим русскими эквивалентами.

Л и т е р а т у р а :

1. *Аристова В. М.* Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке) / В. М. Аристова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. – 150 с.
2. *Бабкин А. М.* Русская фразеология, ее развитие и источники / А. М. Бабкин. – Л. : Наука, 1970. – 264 с.
3. *Баш Л. М.* Дифференциация термина “заимствование”: хронологический и этимологический аспекты / Л. М. Баш. – Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1989. – № 4. – С. 22–34.
4. *Берков В. П.* Двужычная лексикографія / В. П. Берков – СПб., 1996. – 191 с.
5. *Брагина А. А.* Неологизмы в русском языке / А. А. Брагина. – М. : 1973. – 224 с.
6. *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М., 1968. – 208 с.
7. *Кувшинова Н. М.* Пути ассимиляции заимствованной лексики в языке-реципиенте / Н. М. Кувшинова // Materialy XIII Mezinar. vědecko-prakt. konf. “Moderní vymoženosti vedy – 2017” : Filologie Tělesné kultury a sport Psychologie a sociologie. – Praha : Education and Science, 2017. – Díl. 6. – 120 p.
8. *Кувшинова Н. М.* Принципы классификации иноязычной лексики. Ассимиляция заимствований в языке-реципиенте / Н. М. Кувшинова // Наукові записки Національного університету “Острозька академія”. Сер. : Філологічна : зб. наук. праць / уклад. : І. В. Ковальчук, Л. М. Коцюк, О. Ю. Костюк. – Острог : Вид-во Нац. ун-ту “Острозька академія”, 2017. – Вип. 64. – Ч. 1.
9. *Леонтьев А. А.* Иноязычные вкрапления в русскую речь / А. А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. – М., 1966. – Вып. 7. – С. 56.

10. *Листрова Ю. Т.* К вопросу о разграничении иноязычных заимствований и иноязычных вкраплений (на лексическом уровне) в русской речи / Ю. Т. Листрова // *Материалы по русско-славянскому языкознанию.* – Воронеж, 1985. – С. 58–59.
11. *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-е – 90-е годы XIX века / Ю. С. Сорокин. – М., 1965. – 665 с.
12. *Хабургаев Г. А.* Заимствование как проблема лексикографии и исторической лексикологии русского языка / Г. А. Хабургаев // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология.* – М. : Изд-во МГУ, 1989. – № 4. – С. 3–16.
13. *Хауген Э.* Процесс заимствования / Э. Хауген // *Новое в лингвистике. Языковые контакты.* – М., 1972. – Вып. 6. – С. 344–382.
14. *Шанский Н. М.* Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М., 1972. – 275 с.
15. *Feuchtwanger L.* Feuchtwanger Exil. DRS 1983, 161S. / *Jhrb.* 1983, 1, 61–72. Record 34 of 56 – *MLA Bibliography 1981–5/98.* T. I: Lion Feuchtwanger und das kalifornische Exil. AU : Lammert-Eberhard.
16. *Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache* / K G. Langenscheidt. – Berlin und München, 2008. – 1312 s.
17. *Schütte D.* Computerbildschirm kompjuternij displej : Der at. u. russ. Computerwortschatz unter besonderer Berücksichtigung der Entlehnung / D. Schütte. – Frankfurt a. M. etc : Lang, 1997. – 296 s.

R e f e r e n c e s :

1. *Aristova V. M.* Anglo-russkiye yasykoviye kontakty (anglizismy v russkom yasyke) [English-Russian language contact (anglicisms in Russian language)] / V. M. Aristova. – L. : Izd-vo LGU, 1978. – 150 s.
2. *Babkin A. M.* Russkaya fraseologiya, eye rasvitiye i istochniki [Russian phraseology, its development and sources] / M. A. Babkin. – L. : Nauka, 1970. – 264 s.
3. *Bash L. M.* Differentiatsiya termina “zaimstvovaniye”: hronologicheskiy i etimologicheskiy aspekty [Differentiation of the term “borrowing” : the chronological and etymological aspects] / M. L. Bash. – *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya.* – 1989. – № 4. – S. 22–34.
4. *Berkov V. P.* Dvuyazychnaya leksikografiya [Bilingual lexicography] / V. P. Berkov. – Spb., 1996. – 191 s.
5. *Bragina A. A.* Neologizmy v russkom jazyke [Neologisms in Russian language] / A. A. Bragina. – М., 1973. – 224 s.
6. *Krysin L. P.* Inoyazychniye slova v sovremennom russkom yazyke [Foreign words in modern Russian language] / L. P. Krysin. – М., 1968. – 208 s.
7. *Kuvshynova N. M.* Puti assimilyatsyi zaimstvovanoj leksiki v jazyke-retsipiente [The ways of assimilation of loanwords in the language-recipient] / N. M. Kuvshynova // *Materialy XIII Mezinar. vědecko-prakt. konf. “Moderni vymoženosti vedy – 2017” : Filologie Tělesné kultury a sport Psychologie a sociologie.* – Praha : Education and Science, 2017. – Díl. 6. – 120 p.

8. *Kuvshynova N. M.* Printsypy klassifikatsii inoyazychnoy leksiki. Assimilyatsiya zaimstvovaniy v yazyke-retsipiyente [Principles of classification of foreign language vocabulary. Assimilation of borrowings in the language-recipient] / N. M. Kuvshynova // Naukovi zapiski Nats. un-tu "Ostrozka akademija". Ser. : Philologichna : zb. nauk. prats / uklad. : I. V. Kovalchuk, L. M. Kotsuk, O. Yu. Kostyuk. – Ostrog : Vyd-vo Nats. un-tu "Ostrozka akademija", 2017. – Vyp. 64. – Ch. 1.
9. *Leontyev A. A.* Inoyazychniye vkrapleniya v russkuyu rech [Foreign fragments in the Russian language] / A. A. Leontjev // Voprosy kultury rechi. – M., 1966. – Vyp. 7. – S. 56.
10. *Listrova Ju. T.* K voprosu o razgranichenii inoyazychnykh zaimstvovaniy (na leksicheskom urovne) i inoyazychnykh vkrapleniy [The question of the distinction between foreign borrowings and foreign inclusions (on lexical level) in Russian language] / Ju. T. Listrova // Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniiyu. – Voronezh, 1985. – S. 58–59.
11. *Sorokin Ju. S.* Dnevnik pomeshchika [Blog of landlord] / Ju. S. Sorokin. – M., 1965. – 665 s.
12. *Haburgaev G. A.* Zaimstvovaniye kak problema leksikografii i istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka [Borrowing as a problem of lexicography and historical lexicology of the Russian language] / G. A. Haburgaev // Vestnik MGU. Ser. 9. Philologiya. – M., 1989. – № 4. – S. 3–16.
13. *Haugen E.* Prozess zaimstvovaniya [The process of borrowing] / E. Haugen // Novoe v lingvistike. Yazikovyiye kontakty. – M., 1972. – Vyp. 6. – S. 344–382.
14. *Shanskiy N. M.* Lexicologiya sowremennogo russkogo yazyka [Lexicology of the modern Russian language] / N. M. Shanskiy. – M., 1972. – 275 s.
15. *Feuchtwanger L.* Feuchtwanger Exil. DRS 1983, 161S. / Jhrb. 1983, 1, 61–72. Record 34 of 56 – MLA Bibliography 1981–5/98. T. I: Lion Feuchtwanger und das kalifornische Exil. AU : Lammert-Eberhard.
16. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / K G. Langenscheidt. – Berlin und München, 2008. – 1312 s.
17. *Schütte D.* Computerbildschirm kompjuternij displej : Der at. u. russ. Computerwortschatz unter besonderer Berücksichtigung der Entlehnung / D. Schütte. – Frankfurt a. M. etc : Lang, 1997. – 296 s.

Кувшинова Н. М. Асиміляція іношомовної лексики у мові-реципієнті

У російській мові XVII–XVIII ст. значну частину іношомовних слів склали німецькі лексичні запозичення. При класифікуванні запозиченої лексики повинні враховуватися як формальні (асиміляція слів у мові, яка їх запозичує), так і функціональні (вживання слів у мові, яка їх запозичує) ознаки. Проведене дослідження базується на фактичних даних, отриманих різними лінгвістами, і результатах власних спостережень автора.

Ключові слова: лексичні запозичення, морфемний склад, мова-джерело, мова-реципієнт.

Kuvshinova N. M. Assimilation of foreign vocabulary in the language-recipient.

In Russian language of the XVII–XVIII centuries, the significant part of foreign words were German lexical borrowings. In modern linguistics, borrowed words are considered one of the most important sources of replenishment of the lexical composition of any language. In this connection, different classifications of foreign vocabulary are developed and used in linguistics, in particular, according to sources of borrowing (the etymology of the borrowed word).

Analyzing the phenomenon of borrowing as a lexicography problem, G. A. Khaburgayev stressed that the establishment of a foreign-language etymology of a word does not include it “automatically in the category of borrowings of a given language”, therefore, it is necessary to search for correct lexicographical symbols for lexical borrowings that entered the Russian language at different periods of its history and do not stand out “From the general circle of words of the corresponding lexico-semantic groups”. The methodology of etymological studies of borrowed vocabulary allows solving many questions, including the establishment of lexical borrowing and the systematization of foreign vocabulary.

When classifying loanwords must be considered the formal (assimilation of words in the borrowing language) and functional (use of words in the borrowing language) features. By the degree of adaptation of lexical units in the system of the Russian language-recipient it is possible both complete and partial assimilation of the German-language vocabulary. Partially assimilated vocabulary can be divided into the following groups: 1) German-language vocabulary assimilated at the graphic and grammatical levels; 2) German-language vocabulary, assimilated at the grammatical level; 3) German-language vocabulary, assimilated on the word-level level; 4) German-language inclusions with the preceding and subsequent Russian equivalents. The research is based on actual data obtained by different linguists, and on the results of the author's own observations.

Keywords: *lexical borrowing, morpheme composition, language-source, language-recipient.*

Г. С. Яроцкая
Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ СОСЕДСТВА В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Статья посвящена изучению метафорического моделирования российско-украинских отношений в масс-медиа дискурсе России. Особое внимание уделяется модели соседства. В понимании соседства как межличностных отношений наблюдаются культуроспецифические моменты, суть которых заключается в акценте на конкурентности и недоверии в семантизации соседства в украинской лингвокультуре и в актуализации сем взаимовыручки и кооперативности в русской лингвокультуре.

Ключевые слова: *лингвоаксиология, метафорическое моделирование, медиадискурс, соседство.*

Метафоричность политического дискурса – это средство осознания, моделирования и оценки политических процессов, инструмент воздействия на сознание граждан. Метафоры широко представлены в медиадискурсе, что обусловлено их способностью отвечать основным требованиям, предъявляемым к языку прессы: для них свойственны оценочность, эмоциональность, единство стандарта и экспрессии, образность, точность.

В медиадискурсе метафоричность выступает как средство фокусирования внимания, объяснения понятия или ситуации под